

РОМАН РОТЭРМЕЛЬ

ХУДОЖНИЦА
С
ХОККАЙДО

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ХУДОЖНИЦЫ

Роман Ротэрмель Художница с Хоккайдо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67133421

SelfPub; 2023

Аннотация

Школьница Рин радовалась безмятежным подростковым дням, пока случай не изменил всю её жизнь. Рин лишилась обеих рук по воле судьбы, которая и забросила её в новые места, чтобы она вновь научилась дружить, любить и жить. Психологическая новелла, повествующая о школьнице Рин с северного Хоккайдо.

Содержание

Глава 1	4
Пустые рукава	4
Глава 2	16
Искусство	16
Глава 3	29
Любовь	29
Глава 4	38
Фестиваль	38
Глава 5	44
Счастье	44
Послесловие	49

Роман Ротэрмель

Художница с Хоккайдо

Глава 1

Пустые рукава

Как люди справляются с трудностями, в которых от них даже ничего не зависит? Я не задавалась этим вопросом, пока эти трудности не коснулись меня. Я жила обычной жизнью школьницы: мечтала, училась, гоняла в футбол во дворе и наслаждалась безмятежным временем юности. Удивительно, как один неудачный случай смог все изменить. Хотя, слово: «неудачный» здесь, кажется, слишком мягким. Лишиться обеих рук, когда тебе нет и восемнадцати. Несправедливо. Не в состоянии сдержать слез и злобы каждый раз, когда я не могу выполнить даже элементарного действия. Не в состоянии самостоятельно одеться, поесть, умыться. И плакать каждый раз, когда смотришься в зеркало. То ли от жалости к самой себе, то ли от безысходности, накрывающей с головой. Несправедливо? Разве здесь подходит это слово? Жестоко. Так-то лучше.

Мы с родителями переехали подальше от тех мест, кото-

рые напоминали нам о случившемся. Напоминали о плохом. Родители посчитали, что уехать в более тихие и спокойные места будет лучшим решением. Я не стала спорить. Благо, Хоккайдо – немаленький. Я всегда любила новые места и сейчас не перестала. Чтобы дотронуться до новых мест, руки не нужны, достаточно лишь легкого вздоха.

Пролетая сквозь ряды деревьев, которые я наблюдаю через стекло автомобиля, понимаешь, что старая жизнь ушла безвозвратна. Я всегда старалась быть сдержанной, сильной, хладнокровной, но чем мы ближе к нашему новому дому, тем мне становилось страшнее. Возможно, я снова накручивала себя по причинам, которые так сильно хочу считать невесомыми.

Первая ночь, – на свежей кровати, в пока ещё незнакомой комнате, в тихом забытом городе, самая долгая. Сон мне не давался. Я, то вертелась, то бездумно пялилась в потолок. Утром меня ждала моя новая школа, а я все думала: какой она будет, и, конечно, сколько ошарашенных взглядов я на себе поймаю. Я не переживала. Просто новая жизнь начиналась слишком стремительно. Я, привыкшая к безмятежности и неторопливости, совершенно была не готова. Этот спокойный на вид городишка был выбран не случайно. Гармония, которая здесь процветала, вряд ли кому-то могла прийти не по душе. И даже школа, в которую я иду, была избрана из многих других неспроста. В этой школе могут учиться все, вне зависимости от возможностей. Хотя девиз на буклете

идеально описывает их самих: «Передовая школа для всех». Мои чувства смешались при виде такой «скромности».

Утром я проснулась раньше времени, но думаю поспать мне все же удалось. Солнце уже светило в окно, слегка поднимая утренний настрой. После того, как я лишилась рук, подниматься с кровати стало на удивление проще, в принципе, на этом положительные стороны и заканчивались. Сквозь усталость я смотрела в зеркало, пытаюсь придумать с чего же начать. Мои взъерошенные волосы, то и дело щекотали мне щеки, но стоило мне только резво повернуть головой, как локоны тут же задирались назад. Я и раньше особо не следила за волосами, просто пару раз расчесывалась ради приличия, но сейчас я не могу сделать даже этого. Правда, меня это мало заботит. Мои неряшливые локоны выглядят даже мило. Главное не переступить черту самолюбования. Я сняла свою новую форму, висящую на стене. Форма красивая. Она привлекает своим стилем и несомненно придает грации и элегантности. Темно синяя с красной винной нашивкой на груди. Рубашка длинная, болтается чуть ли не у самых коленей, а теплая шерстяная жилетка приятно греет плечи. Кое-как накинув рубашку, я завязала тугий узел у своих пустых рукавов, придерживая один конец зубами, а на другой приложив пару тяжелых книг. Я снова смотрюсь в зеркало. Мило. Стройно. Странно. Не думаю, что кто-то обратит внимание на что-то, кроме отсутствующих рук. С такими мыслями я и покинула дом, словно призрак, которого никто не видит.

Я медленно приближалась к школе, наслаждаясь теплыми лучами утреннего солнца. Я уже успела поймать на себе пару любопытных взглядов. Не думаю, что когда-то привыкну к этому. Подходя все ближе к школе, я словно медленно перехожу границу. Деревьев и кустарников становится все больше с каждым шагом. Заметно, что кто-то действительно следит за их внешним видом. Заворачивая за очередной угол, я, наконец, замечаю большое кирпичное здание. Школа выглядит просторной, по крайней мере если сравнивать с моей предыдущей. Я притупляю шаг, чтобы осмотреться. Здесь столько зелени. Деревья, кустарники, цветы. Никогда не видела, чтобы в школе было столько жизни. И вот, я уже не могу остановиться, что-то словно тянет меня вперед. Да, эта школа действительно производит впечатление, заманивая в свои стены и обширные сады с головой.

Я неторопливо вошла в широкие двери и увидела высокого мужчину, устало опиравшегося о стену. Он внимательно осматривался, то вперед, то по сторонам, и я чувствовала, как его взгляд уверенно остановился на мне, словно меня он и ждал. Он так мучительно старался не пялиться на мои руки, что, то и дело, кидал взгляд куда-то в сторону. Наверняка, ему сообщили обо мне заранее, и он не мог дожидаться момента увидеть меня лично. Интересно, все ученики школы уже в курсе, что с ними будет учиться девочка без обеих рук? Слухи распространяются быстрее ветра.

– Ты, я так понимаю, Рин? – наконец заговорил учитель

спустя пару секунд неуместного молчания.

Он говорил уверенно, сдержанно. В его голосе слышатся командирские нотки. Может мне повезло нарваться на директора в первый же день. Нет, слишком молод. Так или иначе, я скромно кивнула на его вопрос, и он, махнув мне рукой, приказал идти за ним. Я молча шла следом, продолжая осматривать углы широкого, светлого коридора. Он молчал, но трудно было не заметить, как он все время косился на меня.

– Зачем ты завязываешь рукава? – спросил он, не сбавляя шаг.

– «Долго думал, чтобы спросить?» – подумала я, слегка прищутив взгляд. – Так они меньше болтаются, – ответила я, повысив твердость голоса, дабы подражать его командирскому тону.

Он кивнул, видимо утолив, так мучившее его, любопытство. Приближаясь к двери кабинета, я слышала хаотичный галдеж, который в тот же миг затих, стоило только учителю взяться за ручку двери. Я медленно вошла в просторный кабинет, который полностью оправдывал масштабность данного учебного заведения. Доска на всю стену, большие проемы между парт и окна, выходящие на зеленый сад. Все взгляды устремлены на меня. Кто-то не скрывал удивления, другие же робко отворачивались, только стоило мне взглянуть на них в ответ. Мое внимание приковал парень, сидящий в переднем ряду. На его лице виднелся пугающий шрам с раз-

мером с карандаш. Позади него девчонка, явно непонимающая, что вообще здесь делает. Ее глаза непроизвольно закрывались, словно она была не в состоянии сдерживать тяжелых век.

– «Что это?» – задалась я вопросом, всматриваясь в многогранные лица.

Это школа для инвалидов? Но все остальные ученики не выглядят иначе. У них все руки и ноги. Значит я просто не единственная здесь «не такая, как все». Признаюсь, меня это успокаивает. Придает уверенности, что я не одинока.

Учитель указал мне на пустое место и вписал мое имя на доске, на равне с другими. Прежде, чем присесть, глаза моих новоиспеченных одноклассников все еще косились на мои пустые рукава. Порой мне неловко, но я утешаю себя, что хоть как-то произвожу впечатление. Учитель быстро продолжал что-то диктовать, при этом не понижая грубость тона. Я взяла с собой рюкзак с учебниками, но понятия не имела, как мне достать их, не привлекая к себе внимание всего класса. В иной ситуации я бы просто распахнула рюкзак зубами и вывалила все его содержимое на парту. Возможно, так я бы и поступила. Слушать, конечно, куда приятнее, но я не настолько гений, чтобы запоминать все сказанное на ходу. Едва я успела зацепить рюкзак ногами и приподнять, как симпатичная девушка, сидящая напротив, открыто поднялась со своего места и направилась ко мне на встречу. Я испугано взглянула на нее. Она уверенно подошла ко мне,

сверкая добродушной улыбкой, и словно призрак не привлекала никакого внимания. Девушка забрала у меня рюкзак и аккуратно достала учебник, открыв нужную страницу. Она, как ни в чем не бывало вернулась на свое место, кокетливо подмигнув мне. Это заставило меня смущенно покраснеть, но больше удивиться тому, как никто даже не обернулся на нас. Может я слишком много думаю? В мою голову лезли мысли. Со временем я должна привыкнуть. Я медленно покачивалась на спинке стула, пока мои размышления не прервал бьющийся колокол, больше напоминающий церковный звон, нежели сигнал об окончании урока. Я поднялась на ноги и смущенно взглянула на учебник. Я уже готова была схватить его зубами и вернуть обратно в рюкзак, но посторонняя рука меня опередила. Та милая девушка стояла рядом, и, вернув учебник в мой рюкзак, повесила его мне на спину. Мы смотрели друг на друга несколько секунд, пока она, наконец, не представилась.

– Я Юки, – прозвучал ласковый голос, который трудно спутать с другим.

– Рин, – представилась я очередной раз, смутившись ее улыбке.

– А ты неплохо держишься для первого дня.

– Было еще лучше, если бы я смогла самостоятельно достать учебник.

Юки на секунду замерла, удивленно посмотрев на меня, и кабинет тут же наполнился звонким смехом. Она смеялась

так искренне и так заразительно, что я сама непроизвольно начала хихикать вместе с ней.

– А ты забавная. Пойдем со мной, я покажу тебе школу.

Юки схватила меня за рукав и потащила за собой по длинному коридору, где вдоль и назад бродили занятые ученики. Она вела себя со мной так искренне, словно, не замечая моих рук. Мне казалось, что это всего лишь формальность, но я отбрасывала эти доводы сразу, как только она оборачивалась и также, непринужденно, улыбалась мне. Может все-таки это я накручиваю себе дурные мысли, заставляя себя сомневаться всякий раз, как кто-то проявляет ко мне дружеское отношение. Так или иначе, я не привыкла сомневаться.

Юки вела меня по лестнице все выше на верхние этажи. Я никак не могла вспомнить сколько этажей у этой школы, хотя, казалось, что осмотрела всю ее снаружи. И вот – последний рубеж. Один единственный выход на скромном балконе. Юки уверенно распахнула дверь, и яркие лучи солнца ударили мне в лицо. Я сморщилась, дабы прикрыться от обжигающих лучей, и почувствовала под ногами камни, которые приятно массируют ноги через тонкую обувь. Юки отпустила меня только тогда, когда мы подошли к металлической сетке, отгораживающей нас от свободного падения. С крыши школы открывался чарующий вид. Я видела и спортивную площадку, на которой ученики изнашивали подошвы своих кроссовок. Видела площадь, по которой я прогуливалась вдоль зеленеющих садов, и даже свой дом, чья крыша

сливалась с тысячей других. Юки глядела на кристально чистое небо, о чем-то размышляя. Ее черные волосы развевал легкий приятный ветерок. Впрочем, как и мои. Я чувствовала его всем своим телом. Ветер приятно расслаблял, придавая небывалой гармонии.

– Эй, Рин. Тебе нравится здесь? – ласково спросила Юки.

– Ты про школу или крышу?

– Школу.

– Я еще не определилась, но впечатление производит.

Юки улыбнулась, сверкнув всеми зубами.

– Я обычно здесь обедаю. Правда последнее время не так часто удается здесь зависнуть, но я захотела показать тебе это место сейчас. Так, на всякий, чтобы ты всегда знала куда идти.

– Спасибо, Юки.

Юки дружелюбно мне кивнула, и мы медленно отправились обратно в класс. Удивительно, как всего пара минут могут изменить настрой.

Длинная перемена наступила быстрее, чем я того ожидала. Голод меня не мучал или может я просто не знала с чего начать, поэтому внушила себе, что не голодна. Чувство беспомощности одолевало меня каждый раз, когда речь заходила о самостоятельности. В свой первый день я просто решила вновь вернуться на крышу и насладиться видом, дабы запомнить, как можно больше. Я часто замечала, как образы крепко запечатываются в моей памяти, и меня, снова и сно-

ва, непреодолимо тянет увидеть их вновь.

Я заметила его не сразу, лишь только когда подошла к самому краю. Скромный юноша сидел, оперевшись о стену. Трудно было даже заметить, что он делает в уютном, уже остывшем от солнца, теньке. Он свернулся клубком и сжался, словно напуганный еж, импульсивно дергая правой рукой. Он рисовал. На скромном клочке бумаги, вырванным из обычной тетради. Непохоже, что он заметил, как я вошла, но и прерывать его не стала. В конце концов, стоит ему обратить на меня внимание, и он уже не сможет отвести от меня шокированного взгляда.

Спустя время он медленно поднялся на ноги и вышел за дверь. Он заметил меня. Он не мог не заметить. Но не стал заикливаться на безрукой девочке. Снова формальность? Воспитанность, которая сдерживает любопытство? Или это снова моя паранойя, вызванная резкими взглядами и надвигающимся голодом? Время уходило. Мне тоже пора возвращаться.

Я приподнимаю голову и на меня накатывает сонливость. Последний урок окончательно выжал из меня все соки. Я шла по коридору и замечала перешептывающихся учеников, бросающий на меня неловкие взгляды. Мне вновь не по себе. Привыкну ли я когда-нибудь. Сейчас я желаю лишь вернуться домой, но кто-то дергает меня за плечо у самого выхода из школы. Юки дружелюбно улыбнулась, как всегда, и скорее увела меня наружу от лишних глаз.

– Я сегодня была на крыше, – сказала я, решив прервать тишину.

– Я рада, что показала тебе это место, – ответила Юки. – Извини, что не смогла прийти.

– Ничего, я была там не одна.

Лицо Юки удивленно вытянулось с долей подозрения и нескрываемого любопытства.

– Мы не говорили, – продолжила я. – Он рисовал.

– Рисовал? Скорее всего местный художник. У нас в школе есть кружок рисования. Они все время ходят и рисуют абсолютно все что видят. Чудные люди.

Рисуют все что видят? Эти слова витали в моей голове до самого дома. Разве не замечательно, запечатлеть все моменты так, как ты их видишь, чтобы всегда к ним возвращаться.

Солнце медленно заходило за горизонт. Лежа на кровати и глядя в окно, что переливается алыми оттенка, я хотела запечатлеть все, что сегодня увидела. Я расслабленно вытянула ноги, бросив взгляд на свои тонкие пальцы. Эти девичьи десять пальцев – мои последние. Наверное, поэтому я стала относиться к ним с особой любовью. Мои глаза медленно закрывались, а мягкая подушка так и манила своим теплом. Порой мне кажется, что все в порядке. Я просыпаюсь по среди ночи от того, что у меня затекла рука, но, открыв глаза, все снова встает на свои места. Фантомные боли и постоянные моменты забвения, когда я пытаюсь дотянуться кончиками, отсутствующих пальцев, до белого потолка. Странное

ощущение. Я поглядываю на элегантную форму, висящую на стене. Ночные огни подсвечивают ее красные линии, и я вновь хочу запомнить каждый подобный миг.

Глава 2

Искусство

Утреннее солнце светило мне в глаза. Не помню, как успела заснуть, но школьная форма уже не переливалась ночными огнями. Время на часах напоминало, что я должна уже заходить в зеленые сады школы, но вместо этого я сонливо пытаюсь не сомкнуть глаз. Было опрометчиво с моей стороны пропустить завтрак. Голод уверенно усиливался, но самое главное напоминал о моей беспомощности. Дома я справляюсь, питаюсь мягкой и практически, жидкой едой. Да и время меня никуда не гонит. Но не в школе. Когда громкий колокол оповестил меня о начале обеда, мое сердце начало биться сильнее. Я чувствовала, как холодные иголки впиваются в пальцы на моих ногах, вызывая необъяснимую тревогу. Моя самоуверенность не позволяла мне попросить помощи, хотя я и осознавала о ее необходимости.

Я медленно спускаюсь вниз по коридорам. Большая, просторная столовая больше напоминает бальный зал, нежели место приема пищи. Обширные бежевые столы и, освещающие простор, окна с трех сторон света. У прилавка я стояла недолго. Схватив зубами самое очевидное, что могли позволить мои возможности. Завернутую булку и пачку сока.

Я остановилась у стола и... замерла. Что дальше? Я стояла, словно вкопанная и не отводила измученного взгляда с обычной пачки еды. Любопытные взгляды косились на меня, словно ожидая продолжения. Безрукая девушка, неспособная открыть пачку сока. Моя беспомощность грызла мне душу с каждой секундой, длившейся бесконечно долго. Мысли мешались в том самом месте, и я просто хотела сбежать. На моих глазах, снова накатывали слезы. Я никогда не любила вызывать к себе жалость, но видя, как на меня смотрят, чувствовала именно это. Я развернулась, махнув рукавами, будто плащом, и шустро скрылась за первым же углом. Я бежала, не останавливаясь ни на миг. Я знала куда мне идти. Слезы медленно стекали по моим щекам, и как бы я не старалась, не могла их сдержать. Этаж за этажом. До самой крыши. Я вновь почувствовала, приятно массирующие, камни под ногами. Солнце слепило замыленные глаза. Я упала, облокотившись к стене, и, расслабленно вытянула ноги к теплему солнцу. Мне хотелось раздеться, дабы впитать все тепло. Мои ноги гудели, будто принимая боль всего тела. Слеза сверкала по моей щеке, словно жемчужина, приятно щеко-ча мягкую кожу. Я ни о чем не думала в тот момент и вряд ли заметила его, даже если бы он сидел рядом. Молодой парень смотрел на меня, не отрывая глаз. Его вид, словно он искал меня всю свою жизнь, пугал, но в то же время удивлял, производя странное впечатление. Он не сказал ни слова, лишь присел напротив, достав карандаш и листок скомкан-

ной бумаги из потертого пиджака. Я приподняла, залитые слезами, глаза, наблюдая, как он нагло и бесцеремонно сел вырисовывать плачущую девушку. На его лице трудно было разглядеть и долю эмоции, столь он был увлечен процессом. В один момент он улыбнулся и протянул мне листок. Я с интересом взглянула, вытерев слезы плечом, хотя настроение и продолжало ускользать. На умелом карандашном рисунке была я. Скомканное создание с заплаканными глазами и грустным, миловидным лицом. Непривычно видеть себя со стороны. На миг мне стало стыдно, за то, что я позволяю себе раскисать. Обычный, блеклый рисунок заставил меня почувствовать себя иначе. Заставил взглянуть на мир в других красках. Я наблюдала за точными деталями и штрихами. Мое лицо было таким натуральным. Таким живым. Таким настоящим.

Отвлечшись на рисунок, я даже не заметила, как парень просто ушел, не проронив ни слова, но то, что он заставил меня подняться на ноги – неоспоримо. Едва я приблизилась к двери, как из нее молнией вылетела Юки. Ее взгляд пылал диким пламенем, словно в школе произошел всепоглощающий пожар. Только заметив, что она задела меня за плечо чуть ли, не снеся с ног, ее бушующий взгляд растворился под легким дуновением ветра. Я удивленно глядела на свою энергичную подругу, ожидая, что она объяснит свое поведение, как она, вдруг, подпрыгнула и бросилась мне в объятия. Юки сжимала мои плечи, покачивая в своих руках, а я с каж-

дой секундой удивлялась все больше.

– Прости, прости, прости! – повышая тон голоса, почти кричала Юки. – Я ведь знала, что ты еще не освоилась, но бросила тебя, а теперь ты сидишь на крыше в слезах и голодаешь. И-и-и, все из-за меня.

Ее голос медленно тускнел, хотя и не терял былой ласковости и настроения. Так, значит, она переживала за меня? Юки усадила меня перед собой и раскрыла упакованный бэнто, от которого все еще исходил теплый аромат. Хотя я и была голодна и охотно принимала еду из ее рук, все равно чувствовала себя неловко. Беспомощно. Мои ноги продолжали гудеть, словно намекая о себе, а пальцы чесались сквозь обувь, из-за чего я постоянно ерзала, словно маленький ребенок. Меня это не волновало. Мои мысли были забиты скромным рисунком.

– Я снова видела того художника, – сказала я, ненадолго прервав трапезу.

– Художника? Должно быть он часто здесь зависает?

– Он нарисовал меня.

Юки удивленно взглянула на меня. С таким детским любопытством, что даже перестала протягивать мне еду. Ее глаза романтично засветились, щеки порозовели, а губы вытянулись в пугающей ухмылке. Я указала на свой карман и Юки мигом схватилась за скомканный листок. Ее зловещая ухмылка расплылась еще сильнее.

– Я тоже бы хотела рисовать.

Мои слова, будто вернули Юки в реальный мир. Она за-
сунула мне в рот последний томат и пожала плечами.

– Так запишись в кружок рисования! Они принимают всех
желающих.

Я наблюдала за ее реакцией, возможно, как и она за моей.
Не пытается ли она надо мной пошутить? Рисовать? Без рук?
Я не могу даже поесть самостоятельно, не вывалив на себя
пол тарелки, а сама мысль о том, чтобы рисовать, вгоняла
меня в ступор, но Юки видимо была настроена серьезно.

Уроки пролетели также быстро, как и вчера. Яркое солн-
це палило в окно, и моя новоиспеченная подруга уверенным
шагом двигалась в мою сторону. Она вновь бесцеремонно
схватила меня за рукав и потащила по длинному коридору.
Наверх. Я знала куда она меня ведет, поэтому не стала пре-
рывать ее устремление глупым вопросом. Толпа, словно рас-
творилась, когда мы поднялись на третий этаж. Тишина пу-
гала, но Юки уверенно продолжала вести меня к, распахну-
той настежь, двери. Из нее доносились звуки, которые мне
не так часто доводилось слышать. Звуки кисти, пляшущей
по бледному холсту. Резкий запах, который я почувствова-
ла зайдя внутрь, сбивал меня с толку. Запах красок, мар-
лей и напиленного дерева. Ученики сидели ровным кругом,
создавая впечатление рыцарского стола, а позади них навис-
сал учитель, который заприметил нас дружелюбной улыбкой
сразу, как мы вошли.

– Добро пожаловать. Что интересует? – спросил учитель.

Его манеры напоминали манеры уважаемых самураев, представших перед императором. Его голос был уверенным и сдержанным, как и его черный пиджак, отсвечивающий яркой, цветочной эмблемой.

– Моя подруга хочет вступить в кружок, – ответила Юки, не теряя энтузиазма.

Я могла лишь позавидовать, потому что мой энтузиазм медленно утекал каждый раз, когда я бросала робкий взгляд в сторону, машущих руками вдоль холста, художников. Мои глаза резко остановились на знакомой фигуре. Он смотрел на меня в ответ. Тот самый парень с крыши. Завидев, что я обратила на него внимание, он, покраснев, спешно спрятался за холстом.

– Мы всегда рады принять новых артистов, – радостно улыбнулся учитель и подошел ко мне почти вплотную.

Он внимательно осматривал меня, не скрывая любопытства. Его глаза бегали по мне, то вдоль, то вперед, но ни на чем конкретно так и не остановились.

– Хм, любопытно. В тебе явно что-то есть, – произнес он, почесывая подбородок, словно хитрый ученый.

Что-то есть? Может правильней сказать: «чего-то нету». Снова на меня накатило чувство, что надо мной просто издеваются. Мастер уверенно кивнул и искренне улыбнулся.

– Хорошо. Садись рядом с Икари. Поглядим на твои таланты.

Я скромно кивнула, а Юки на радостях обняла меня, и,

пожелав удачи, шустро удалилась. Я неуклюже брякнулась на, высокий с подножками, стул. Белый чистый холст предстал передо мной во всей красе, и лишь моя фантазия могла оживить этот кусок бумаги. Мне было неловко. Я чувствовала, как щеки окрашиваются румянцем. Я ожидала однозначной реакции, что-то типа: «Как ты можешь рисовать, у тебя же нет рук, это бессмысленно». Наверное, потому, что я сама так думала, но ни один в этом кабинете не сказал мне ни слова. Все сидели, словно витая где-то в облаках. Занятые своими творениями, они оставались с ними наедине, будто это было нечто личное. Все художники такие? Задумчивые. Скрытные. Самобытные.

– Как тебя зовут, юная художница? – спросил учитель.

– Рин.

– Хорошо, Рин. Для начала сделай пару набросков. Не пытайся сразу нарисовать шедевр. В нашем скромном деле достаточно лишь начать.

Очень смешно, учитель. Вновь чувство неловкости. Может он и правда надо мной просто подшучивает. В этот момент я и не представляла себе возможности даже взять кисть, не то, чтобы создать шедевр, но учитель сразу заметил мое негодование.

– Почему ты не рисуешь, Рин? – загадочно спросил он, будто не зная ответа.

– Я-я не знаю... Н-не знаю как, – с тяжестью произнесла я.

Первый момент в моей жизни, когда слова дались мне так

трудно, но учителя это видно вовсе не заботило или он просто не захотел показаться нетактичным.

– Логично, что руками ты рисовать не можешь, но другие та части тела у тебя на месте. Ноги, к примеру.

Ноги? Он что шутит? Он предлагает мне рисовать ногами? Н-но, как это возможно? Мои ноги устало загудели вновь, будто привлекая мое внимание.

– Ох, юная Рин. Ты даже не представляешь, на что способно человеческое тело, – учитель говорил искренне и без преувеличения вдохновлял.

Для меня это было чем-то абсурдным. Я ловко выпрыгнула из легких туфлей. Приятный ветерок продувал мои голые ступни. Боль и усталость мгновенно улетучились вместе с облегчающим дуновением. Я вытянула ноги к холсту, расположившись на стуле практически в лежачем состоянии и зажала кисть меж пальцев ног. Я медленно провела кистью по белому холсту, и как только на нем появилось первое очертание, мои мысли обрели покой, а душа небывалый восторг. Я рисую. Рисую! Я не могла сдерживать улыбки, словно накачала целое произведение искусства, но восторг и радость переполняли меня в тот момент, возвышая на невиданную высоту. Этот прекрасный миг не суждено было забыть уже никогда.

Дома, шлепая босыми ногами по теплomu полу, я бескультурно тянулась кончиками пальцев до всего, на что бросала игривый взор. Деревянная ложка далась мне первой. Я ак-

куратно подносила ложку ко рту, крепко сжимая ее между пальцев ног и наконец, спустя долгое время, ела без неловких моментов. Лежа в своей постели, я наблюдала не за ночной луной, которая красиво светила в мое окно, а за своими тонкими пальцами, заменившими мне руки. Розовые ногти светились, отражая блеск луны. Это странно. Часами наблюдать за своими ногами, словно они какая-то картина, но раньше я и не задумывалась, каким красивым телом одарила меня природа.

Звонкий колокол заставил меня дернуться. Обед. Я медленно спустилась на нижний этаж. Ученики рассаживались вдоль длинных столов. Я покрутила головой. Мои неряшливые волосы сползли за уши и больше не налезали на глаза, открыв мне дорогу вперед. Я купила тоже, что и вчера, упакованную булку и пачку сока, но на этот раз вернулась на крышу с неудержимым стремлением. Оперевшись о стену, я шустро выскользнула из туфель. Теплый ветерок продувал сквозь пальцы. Я умело схватила упаковку, и, сжав верхушку пальцами, потянула в разные стороны. Булка раскрылась, как по волшебству. Я вытащила булочку из упаковки, и, довольная своими успехами, поднесла ее ко рту. Порой представляя, как это смотрится со стороны, я чувствовала себя нелепо, но думаю, мало бы кто стал спорить об этом с безрукой девочкой. Солнце светило мне в лицо и подсвечивало мою нескрываемую улыбку. Знакомый силуэт сжато сидел в стороне. Он молчаливо наблюдал за мной, как я одними но-

гами умело и безжалостно разделяваюсь с пищей. Заметив, что я смотрю на него, он робко отвернулся, сжав плечи еще сильнее. Похоже, что он очень застенчив, раз максимум на что его хватает – это робкий кивок в мою сторону. Я аккуратно поднялась на ноги. Камни массировали мои босые ступни, пока я шаг за шагом продвигалась на встречу к знакомому художнику. Я остановилась прямо перед ним, закрыв ему солнце своим телом. Он поднял глаза и взглянул на меня, но тут же увел взгляд, мило покраснев. Я присела рядом с ним. Пачка сока далась мне чуть сложнее. Мне понадобилась три попытки, чтобы успешно вогнать соломинку в маленькое отверстие. Я старалась не смотреть на него прямым взглядом, но косилась, с интересом представляя, что он рисует на этот раз. Но молодой парень не отводил от меня глаз, лишь стыдливо таращась на меня, словно я модель из журнала.

– Извини, – послышался теплый голосок из его уст. – Я Джонатан.

– Ничего. Поверь, ты не первый кто на меня так пялиться. Думаю, не трудно заметить отсутствие обеих рук. Я Рин, – уверенно ответила я, удивившись самой себе собственному командному тону.

Джонатан выглядел мило, особенно когда смущался, а смущался он каждый раз, когда останавливал на мне взгляд больше, чем на пол секунды. По бокам его волос виднелись светлые локоны и какой-то ненатурально яркий цвет глаз. Иностранец? Только если наполовину. В конце концов,

не зря же его зовут Джонатан. Я обратила внимание на его пальцы. Тонкие. Костлявые. На кончиках запачканные серым грифелем. Любуясь на свои пальцы на ногах, я замечала странное сходство, что чарующе привлекало и порой заставляло смутиться и меня.

– Я-я... смотрел на тебя не из-за рук. Просто я люблю рисовать людей.

– Людей? Думаю, когда-нибудь и у меня получится рисовать людей.

Джонатан выпрямил плечи и засветился от счастья.

– Это вовсе не трудно. Достаточно просто отражать детали человека. Его тело, эмоции, черты.

Отражать детали. Его рисунок идеально демонстрировал это. Эмоции на моем лице оживали прямо с листа бумаги. Сок в моих ногах уверенно истощался. Я подпрыгнула и потянулась. Будь у меня руки, я бы вытянула их высоко к солнцу, которое так приятно грело шею. Я дружелюбно улыбнулась Джонатану, и он вновь покраснел, слегка склонив голову, но в этот раз не увел милостливой улыбки.

По окончании уроков я направилась напрямиком в класс рисования. Кабинет практически пустовал. За столом сидел лишь учитель и юная художница, не сводившая глаз от, заполненного красками, холста. Завидев меня, учитель вытянул губы и указал на свободный стул. Стул выглядел иначе, чем вчера. Широкий, несильно высокий, с мягкой спинкой и миниатюрной подушкой у поясницы.

– «Это для меня?» – первая мысль, которая заползла мне в голову.

Я расположилась на новом стуле, вытянув ноги вперед. Ничего мне не мешало. Подушка приятно массировала спину и мне не приходилось елозить по стулу в поисках удобной позы. Класс постепенно заполнялся художниками, которые рассаживались по своим привычным местам. Учитель бродил вдоль холстов, наблюдая и давая советы ученикам, которым они требовались. Он остановился позади меня, с любопытством взглянув на мои усердные попытки рисования.

– Ты слишком напряжена, Рин, – отметил учитель, прищурившись к моему рисунку. – Я же говорил тебе, не пытайся создать шедевр. Поверь, у тебя еще будет возможность воплотить свои мечты на поверхности бумаги.

Я понимала, о чем он говорит. Я кивнула в знак понимания, но лишь вызвала у учителя ухмылку.

– Ты должна научиться видеть прекрасное во всем, Рин. В этом и заключается талант художника.

Видеть прекрасное во всем? Часто ли я замечаю прекрасное? Часто ли я замечаю детали, о которых говорил Джонатан? Может я и правда не до конца понимаю смысл искусства. Мои глаза медленно бродили вдоль холста, стараясь лицезреть каждую деталь. Лицезреть прекрасное. Моя картина напоминала детскую мазню. Краски сгушались, создавая радужный, привлекательный эффект. Мои ноги были измазаны яркими чернилами, а ногти переливались оранжевыми

блесками, словно окрашенные в декоративный лак.

– Кажется, я понимаю, – радостно улыбнулась я, любуясь своим шедевром.

Учитель широко улыбнулся, будто мое замечание искренне его осчастливило.

– Трудно найти точный ответ на то, что такое искусство, но благо все подходящие слова придумали уже за нас. Я расскажу тебе стих, который помог мне когда-то понять смысл искусства и я, надеюсь, поможет и тебе.

Учитель робко откашлялся и выпрямил спину. Ученики оторвались от своих холстов и разом бросили изумленные взгляды на него, будто он готовился произнести предвыборную речь:

– Увидеть небо в полевым цветке,
В песчинке малой – бесконечность.
Мир целый удержать в своей руке
И уместить в мгновенье вечность.

Его голос повышался с каждым словом, которое он медленно и уверенно произносил. Ученики поаплодировали своему мастеру и вернулись к своим работам. Он улыбнулся мне вновь, и, похлопав по плечу, продолжил задумчивый обход. Я взглянула из-под своего холста. Джонатан робко смотрел на меня. Его розовые щеки горели, а в глазах сверкал чарующий отблеск солнца. Он с трудом улыбнулся, краснея все больше, но стоило мне улыбнуться ему в ответ, как он тут же нырнул за холст, вызвав у меня озорной смешок.

Глава 3

Любовь

Время пролетало быстро, когда я занималась тем, что мне действительно нравилось. Я окружала себя художниками, возможно, более талантливыми, чем я, но их особая атмосфера вдохновляла и будоражила мою фантазию. Солнце медленно окрашивалось в вечерний оттенок. Я обернулась, чтобы взглянуть на небо, но бросаю любопытный взгляд на парня, сидящего по соседству. Он краснеет, а его розовые губы дрожат, словно под морозным дуновением ветра. Я слышу тихие, нежные всхлипывания его носа. Его бледные руки мягко плывут вдоль холста, а глаза наполняются слезами. Я осматриваюсь вокруг, но никто, кроме меня, не замечает, как юный художник, уже не сдерживая эмоций, плачет, нависая над своим творением. Мне становится неловко.

– Эй, – шепчу я в его сторону, но не нахожу никакой реакции. – Хей, – я начинаю понимать, что обращаться так к людям невежливо и мне становится вдвойне неловко, что я даже не знаю его имени. – С тобой все хорошо?

Этот вопрос, наконец, заставил его обернуться. Он смотрел на меня сквозь заплаканные ресницы. Слеза медленно стекала по его щеке, лучезарно просвечиваясь на солнце,

словно жемчуг. Милое зрелище и немного жалкое. Он улыбнулся сквозь дрожащие губы, и, подтянув рубашку, вытер глаза ладонью. Он вернулся к своей картине, так мне и не ответив. Интересно. Все художники такие? Задаюсь я этим вопросом вновь. Может на них так что-то влияет? Искусство? Атмосфера? Творческий порыв? Не знаю, но все-таки беру себе на заметку не пить местную воду.

Порой мне казалось, что художники живут самобытно. Я наблюдала, как молодая художница заполняла детали холста. Она приходила раньше всех и уходила последней, оставаясь до тех пор, пока солнце окончательно не лишало ее света. Каждый день я смотрела на ее картину и думала, что она закончена, что невозможно добавить на это полотно что-то еще, что невозможно сделать это творение еще лучше, но каждый раз ошибалась. Художница возвращалась, и снова садилась за ту же самую картину, делая ее прекраснее. Довести до совершенства то, чем ты занимался вчера. Вот секрет хорошего художника? Хотелось бы мне знать.

Крыша вновь радовала меня теплым солнцем и приятными ощущениями под ногами. Я приходила сюда каждый день, с того самого дня, когда Юки просветила меня об этом месте. Каждый день Джонатан встречал меня в одной и той же сидящей позе, с идеально заточенным карандашом в руке. Он рисовал все свободное время, как и я, по возможности. В моем доме никогда не было столько краски, как в последние недели.

После уроков я всегда возвращалась в художественный класс. Юки была довольна моими успехами, порой радуясь уж чрезмерно бурно. За это я ее и любила. За то, что она была настоящей.

Обычно, когда я приходила в кабинет, здесь уже находились учитель и несколько занятых художников, но в этот раз я встретила лишь сентиментального парня, который не так давно плакал над своим холстом. Он бесцеремонно сидел на подоконнике, закинув ноги высоко в потолок. Я понимала его, ибо сама любила так делать, переливая кровь из пяток и наблюдая за медленно бледнеющими пальцами. Я решилась подойти к нему, пока он окончательно не запачкал стену пыльными туфлями.

– Привет.

Он тут же поднял голову и взглянул на меня с удивительным дружелюбием. Видимо, он не такой застенчивый, как Джонатан, по крайней мере никакого смущения я за ним не заметила.

– Привет. Ты должно быть... Рин, – оживленно произнес он, выделив мое имя.

– Да. А ты?

– Икари.

Икари поклонился, задернув руку высоко вверх, но затем, вновь плюхнулся на подоконник и саркастически ухмыльнулся.

– Я слышал, ты дружишь с Джонатаном. Он классный па-

рень, правда, немного своенравный. Он тебе нравится?

Видимо, этим вопросом он хотел заставить меня врасплох и почувствовать смущение, но у него это не вышло.

– Да, – холодно ответила я, вызвав у него игривую улыбку.

– Ты ему тоже нравишься, – ответил он, потянув взгляд куда-то в сторону.

– Правда?

– Правда. Ты не замечала, как он краснеет при виде тебя? Я думал, это очевидно.

– Разве он не со всеми так застенчив?

– Конечно нет. У Джонатана много положительных качеств, но самое привлекательное – это совершенное неумение скрывать свои эмоции.

– Кто-бы говорил, – наконец ухмыльнулась и я, подколов сентиментального художника. Икари звонко рассмеялся.

– Да, порой слезы одолевают меня, когда я рисую. Искусство бывает трогательным. Ты должна меня понять.

– Я понимаю. Именно благодаря эмоциям у меня получается куда лучше, чем раньше.

– Да, я слышал, что безрукая девушка возомнила себя художницей.

Безрукая девушка? Парню явно не хватает такта.

– Надеюсь, ты не обижаешься на такие подколы? – спросил Икари, прищурившись.

– Нет.

– Я так и знал! – снова рассмеялся он. – Такой, как ты,

все равно что о ней скажут другие, поэтому ты хорошая художница.

Икари умел делать комплименты, по крайней мере этот меня развеселил.

Джонатан пришел позже. Я улыбочиво провожала его взглядом, пока он шел к своему месту. Мы каждый день встречаемся с ним на крыше, но он до сих пор смущенно отворачивается, заставляя меня игриво улыбаться. Икари, завидев нас, рассмеялся вместе со мной. Кажется, сегодня, я обрела еще одного друга.

Мы сидели с Джонатаном на холодных камнях крыши. Сегодня солнце не составило нам компанию, а посему небо чернело, а с севера дул прохладный ветер. Мне хотелось поговорить. Обычно я легко нахожу темы для разговора, но сейчас мысли улетучивались вместе с ветром. Я спрятала свои замерзшие ноги под колени и прижалась ближе к Джонатану. Он робко сжал плечи, но не стал возражать. Я чувствовала его тепло и не переставала подтягиваться ближе, пока, в конечном итоге, не положила голову ему на плечо.

– Как ты думаешь, я красивая?

Джонатан удивленно вытаращил глаза и покраснел, словно зрелый помидор. И снова он заставляет меня непроизвольно улыбаться, вызывая детский смешок. Когда он так делает, я сама начинаю неловко краснеть, но он явно этого не замечает, потому что все время смотрит в другую сторону.

– Я-я думаю... да, – тихо, едва дыша, произнес он.

Тучи неслись по небу так быстро, что я даже не успевала провожать их глазами, сквозь затуманенное окно класса. Многие ученики похватали зонтики и поспешили домой, пока дождь не ливанул с уверенно чернеющего неба. Я вышла из школы и остановилась, чтобы взглянуть на мелькающие тучи. Ни грома, ни грозы, лишь мелкие, просвечивающие лучики солнца. Я стояла, уверенно вытянув плечи. Чего я ждала? Дождя? Капля за каплей, дождь усиливался, пока бушующий ливень не накрыл меня с головой, но я продолжала стоять на месте, словно запоминая каждую деталь. Я люблю дождь. Такой приятный. Мягко стекающий по коже. Свежий, отдающий легкой прохладой. Заставляющий наблюдать, как капли дождя чарующе рождаются из пустоты. Я закрыла глаза, слыша лишь сказочные звуки вокруг себя. Брызги от бьющихся об землю капель, загадочно усиливались, стоило только перестать их видеть. Мир погрузился во тьму, но от этого стал только прекраснее.

Шум неожиданно прервался. Капли дождя перестали бить по моей коже. Я слышала лишь прерывистое дыхание позади себя. Я обернулась. Джонатан держал надо мной свой голубой зонт и испуганно глядел на меня, словно видел впервые.

– Ты чего тут стоишь? Заболеешь ведь, – чутко спросил он.

Я чувствовала, как бьется мое сердце, как с пустых рукавов стекают капли воды, а прохладный ветер продувает промокшую рубашку. Мокрые волосы лезли на лицо, неприятно

щекочась, так, что я не могла поднять голову, чтобы локоны не залезли мне в глаза.

– Поправь мне волосы, пожалуйста, – робко попросила я.

Джонатан покраснел, но все же потянулся ко мне своими тонкими пальцами. Он нежно уложил волосы назад. Из-под них открылись мои глаза, которые чарующе смотрели на Джонатана. Он обомлел. Его пальцы застыли. Джонатан пытался выдавить хоть слово, но его дыхание перехватило. Мы смотрели друг другу в глаза, пока капли дождя игриво кололи наши ноги.

– «Боги, он такой милый, когда смущен», – подумала я и наклонилась ближе.

Я прижалась к его груди и поцеловала. Мои мокрые губы оживали под теплом его губ. Я не слышала ни звуков дождя, ни дуновение ветра, лишь его застывшее дыхание. Голубой зонт выпал из его рук, и он крепко обнял меня за плечи, отдавая все тепло, что у него было. Вот, что я бы хотела запечатлеть навсегда. Я, Джонатан и дождь.

Утром солнце уже ярко светило в окно. Мое горло и забитый нос, резкой болью напомнили мне о вчерашнем вечере. В моем случае это значило лишь одно: мне нужно как можно скорее закинуть горсть лекарств, иначе весь завтрашний день я проведу в постели.

Ноги устало плелись по дороге в школу. Юки радостно встретила меня у самых ворот, но заметив мой вялый вид, тут же изменилась в лице.

– Рин? Ты простудилась? – в ее голосе читалось переживание. – Наверняка, гуляла вчера под дождем.

Юки достала из кармана белый платок с цветочками и поднесла к моему носу. Платок приятно пах апельсином. В тот момент я чувствовала себя младенцем, за которым подтирают соплю, но не могу сказать, что такая забота мне не нравилась.

К обеду Джонатан, как всегда, ожидал меня на крыше. Мне было интересно, что он думает о вчерашнем поцелуе, но зная его стеснительность, не думаю, что он вообще выдавит хоть слово. Впрочем, я ошибалась. Джонатан ловко поднялся и подошел ко мне, будто с невероятным намерением совершить геройский поступок.

– Ты мне нравишься, – проголосил Джонатан, сжавшись, словно ёж.

Храбро. Сколько же сил ему понадобилось, чтобы выговорить это. Может мой поцелуй так его расшевелил. Я прижалась к его груди, чувствуя робкое дыхание. Его руки грели мне плечи. Я обнимала его как могла, по-своему, прижавшись к груди. Странное чувство, раньше я не замечала, а сейчас прислушиваюсь к сердцам других людей. Не то, чтобы я часто обнимала кого-то, но чувство и правда приятное. Я невольно краснею.

– Ты мне тоже нравишься, – прошептала я, сквозь его вытянутый воротник.

Минуты тянулись бесконечно. Мне всегда казалось, что

признания такого рода заставляют сердце вырываться из груди, но мое совершенно спокойно. Как и Джонатана: его сердце медленно успокаивалось, подстраиваясь в такт с моим. Я робко потирала ноги друг о друга. По моим пальцам бежала приятная дрожь.

– Джонатан, как называется слово, когда два человека нравятся друг другу? – спросила я, желая услышать продолжение.

– Любовь, – шепотом произнес он, поглаживая мои растрепанные волосы.

Любовь. Теперь я знаю это слово и чувствую его всем сердцем.

Глава 4

Фестиваль

Звуки художественного класса гипнотизировали меня. Моя нога плыла вдоль холста, чудесным образом воссоздавая мои искренние фантазии. Трудно представить, что еще недавно я не могла даже держать вилку между худощавых пальцев, а сейчас пишу целые картины. Учитель постучал по столу, привлекая к себе внимание. Его уверенный и довольный взгляд говорил о том, что он скажет сейчас что-то хорошее.

– Скоро начинается художественный фестиваль. Ваши работы будут представлены на обозрение уважаемым ценителям искусства, поэтому прошу вас подойти к этому вопросу серьезно, прежде чем выставлять свои картины на показ.

Мои картины представляли из себя нечто личное. Я рисовала ради удовольствия, ради запечатления особых моментов вокруг себя. Можно ли назвать мои работы серьезными? Достойными быть признанными? Зритель оценивает глазами, художник рисует душой.

Толпа бродила вдоль зелени школьного сада. Фестиваль выглядел в традиционном японском стиле, и местами, напоминал банкет. Длинные ряды с множеством флагов и рас-

цветок, но отличительной чертой фестиваля все же являлись картины. Гости, словно в танце кружили от одного ряда к другому, замирая на месте и любуясь произведениями юных художников. Их красочные и часто старомодные наряды идеально вписывались в архитектуру школы. Я видела, как Икари любопытно наблюдал за каждым движением толпы, расположившись на скамейке и медленно потягивая сок. Он загадочно кивнул в мою сторону. Мне стоило лишь кивнуть в ответ. Интересно, его лицо светилось от радости из-за фестиваля или потому, что рядом со мной шел спокойный Джонатан. Мы с Джонатаном медленно прогуливались вдоль рядов, проходя мимо застывшей толпы. Он держал меня за рукав рубашки, так нежно и осторожно, словно это действительно была моя рука. Я смущенно захихикала.

Мы остановились возле одной из витрин. Гости заворуженно смотрели на разнообразие красок и цветов, которые казались чем-то неземным. Это были мои картины. На витрине висела скромная табличка с моим именем, но не привлекала никакого внимания. Джонатан с восторгом всматривался в мои произведения. Он тоже видел их впервые.

– Дождь, – сказал он мне, смущенно улыбнувшись и бросив взгляд на одну из картин.

Да. Это действительно дождь. Наш дождь.

– Я слышал, что эти картины нарисованы ногами, – озадаченно пробубнил пожилой мужчина, поправив медную оправу.

– Ногами? Удивительно! – продолжила изумляться толпа, не отрывая удивленных взглядов с моих картин.

Это странно. Я просто рисовала то, что видела. Дождь. Солнце. Людей... близких мне людей. И видела, какую бурю эмоций вызывает мое искусство у ее ценителей. И снова я задаюсь вопросом. Что такое искусство? Может ли оно быть простым или обязательно сложным и многогранным? Это решать только мне. Гости выкрикивали разные вердикты, но я решила не заострять внимание на мнении других. Джонатан потянул меня за рукав и увел дальше по тропе. Я понимала почему. Несколько присутствующих уже окинули меня парой резвых взглядов, с удивлением не выкрикнув какую-то непристойность.

Я и Джонатан тихо сидели на скамейке школьного парка. Гости медленно расходились. Сегодняшний день мало чем отличался от предыдущих, если не брать в расчет, чуть большее, чем обычно, скопление людей. Учитель завидел нас, и, радостно махая руками, вприпрыжку подошел к нам. Он улыбался так, словно произошло что-то невероятное, и даже пропустил мимо глаз то, что Джонатан держал руку на моем колене.

– У меня для тебя хорошие новости, Рин, – склонился он, дружелюбно выпучив глаза. – Твои картины оценили по достоинству и даже нашлись те, кто готов купить их.

Купить? Я никогда не думала о деньгах. Я рисую потому, что получаю от этого удовольствие. Учитель настолько све-

тился от радости, что заменял собой медленно уходящее за горизонт солнце. Джонатан и я сидели неподвижно и глазели на улыбающегося учителя. Я просто не знала, что ему ответить. Мне было радостно слышать эти вести. Радостно, что мои труды оценили. Приятно, что обратили внимание. Но порой, я ловила себя на мысли, что все это не из-за моего таланта, а из-за моей особенности. Рисовать ногами? Редкость, которую можешь увидеть не каждый день.

Вернувшись в художественный класс, учитель обратил на меня внимание, вскочив с места. Он махал алым конвертом, словно кичась им передо мной.

– Поздравляю, Рин. Тебя пригласили представить собственную выставку, – сдержанно произнес учитель и протянул мне конверт.

На обложке виднелась выгравированная надпись приятная на ощупь. Это письмо. Мои мысли путались, и я не знала, радоваться мне или приглушенно вздыхать. Письмо было написано от руки, черными чернилами, а каждый символ можно было с уверенностью отнести к шедеврам каллиграфии. Ценители искусства предложили мне организовать собственную выставку. Меня сдавливали сомнения. Учитель радостно улыбался, но его улыбка медленно истощалась с каждой секундой, что он смотрел на мое безучастное, задумчивое лицо.

– Это признание, Рин. Признание твоих талантов, – продолжал настаивать учитель, глядя мне в глаза. – Ты же не

думаешь упустить такой шанс?

Именно об этом я и думала. Сильно ли расстроится учитель, если я скажу ему нет. Сильно ли я буду жалеть, что сказала нет. Я взглянула на Джонатана. Он доверчиво мне улыбнулся, словно был уверен, какой выбор я бы не сделала – он будет правильным.

– Я не буду заставлять тебя если ты не хочешь, – улыбка учителя полностью сошла с его лица. – Учитель может лишь указать на дверь, но только ученик может войти в нее.

В крепких раздумья время бежало быстрее ветра. Мы шли по зеленой тропе, освещенные алым закатом. Джонатан смотрел на облака, стараясь разглядеть самые скрытые детали.

– Нам нужно как-нибудь вместе посмотреть облака, – замечтавшись, сказал он.

Я подняла глаза. Облака тихо неслись по голубому небу, навивая чарующие мысли. Я понимала, почему Джонатан так ими заинтересован. Художник ищет прекрасное во всем, ищет подтверждение своих фантазий, а небо рождает изумительные фантазии каждое мгновение.

– Ты ведь согласишься, правда? – спросил Джонатан.

Его вопрос звучал неожиданно, но я понимала, о чем он меня спрашивает. Мои сомнения долго терзали меня и вот, когда я уже была готова забыть, накатили вновь. Я не привыкла упускать возможности. Я всегда стойко хваталась за все, что преподносила мне жизнь, но именно поэтому рука-

ва моей рубашки пусты. Именно поэтому я не могу взять за руку того, кто мне дорог. Жизнь преподносит мне возможность вновь, чтобы я без раздумий схватилась за нее, но такая же возможность, когда-то лишила меня рук. Люди дают моим картинам шанс, ибо знают, что они написаны ногами. Им не важен мой талант, им важна лишь моя особенность, с которой я так умело справляюсь. Именно поэтому я сомневаюсь идти дальше. Злая шутка судьбы, которая вертит моей жизнью, как ей угодно. Все изменилось с той самой возможности. Мои пустые рукава каждый день напоминают мне об этом, но я живу, и живу лучше, чем когда-либо. Все меняется, а жизнь продолжается несмотря ни на что. Я снова обрела друзей, обрела свой дом. И прогуливаясь вдоль зеленых садов, воссоздавая фантазии пальцами ног, видя близких людей, окружающих меня, я задумываюсь:

– «Возможно, все это даже к лучшему».

– Ты боишься принять себя такой, какая ты есть? Боишься, что тебя не поймут? Ты талантлива, Рин. Вот, в чем твоя особенность, и ноги здесь совсем ни при чем.

Джонатан говорил искренне. На его слегка дрожащих губах, светилась улыбка. Он прав. Я боюсь. Боюсь, что судьба вновь сыграет со мной злую шутку. Но жизнь слишком коротка, чтобы бояться. Слишком развилиста, чтобы сомневаться. Улыбаясь, я шла по зеленому саду. Джонатан держал меня за рукав, и мы плыли с ним по, шустро бегущим, облакам. Обещаю, – больше я не буду бояться.

Глава 5

Счастье

Дни пролетали один за другим. Я готовилась к собственной выставке, о которой еще не так давно не могла и помыслить. Витрина моих фантазий. Учитель был невероятно доволен, когда я согласилась представить выставку. Он так сильно тряс меня за плечи, что я думала, не загорится ли Джонатан ревностью из-за такого страстного порыва мастера.

Я продолжала рисовать также, как и раньше. Мои ноги впитывали аромат красок. Холст уверенно оживал, наполняясь цветами, которые, казалось, неизвестны миру. Я, словно взяла все цвета мира и сказала: «К черту! Вот вам новый». Как высокомерно, но без преувеличения красиво.

Мои старания окупались. Учитель подошел ко мне вновь, на его лице, как всегда, светилась радостная улыбка.

– Недавно я получил письмо от своей хорошей знакомой. Она старшая учительница из художественного университета, – заявил учитель, гордо пожимая плечами. – Они заинтересованы, чтобы ты поступила учиться к ним после окончания школы. Там тебе помогут проявить свои таланты самым лучшим образом.

Учитель достал из кармана буклет. На обложке светились несколько картин, рядом с которыми стояли довольные художники. Слишком банально для художественного университета. Но только раскрыв буклет, я поняла, что ошибалась. Яркие пестрые рисунки от руки с приклеенным лепестком сакуры. Кто-то явно постарался для привлечения новых студентов. После нескольких ночей раздумий о том, чем мне заняться дальше, я была крайне заинтересована таким предложением.

– Университет находится в Саппоро, – воодушевленно проговорился учитель.

В тот момент я надеялась, что мне послышалось. Саппоро находился в двух часах езды. Чудесный город. Столица Хоккайдо. Но это означало, что мне придется покинуть нынешний город, который успел стать мне домом. Попрощаться с людьми, которые успели стать мне друзьями и зелеными садами, к которым я так привыкла.

Я пообещала, что не буду сомневаться. Не буду бояться. Икари и Юки искренне порадовались за меня, хотя и не хотели отпускать так далеко. У них были свои планы и казалось, что расстояние не может стать для нас проблемой. Джонатан задумчиво глядел в мои глаза, словно размышляя о каждой детали, спрятанной во мне. Я не знала: рад он этой новости или нет. Не знала его планов и даже намерений. Он суетливо молчал, поджимая углы своего воротника. Мы разошлись с ним по разные стороны, оставив друг друга в полном смя-

тении. По правде, я никогда не видела Джонатана столь задумчивым. Он вечно своевольно бродил то взад, то вперед, с любопытством вглядываясь в каждую деталь, но сейчас его загадочный взор был устремлен в никуда. Ему просто нужно время. Как и мне.

На следующее утро Джонатан сидел на скамейке в саду и увлеченно смотрел, как покачиваются деревья на утреннем ветерке. Казалось, что он вернулся в свое привычное состояние вечного мечтателя, но, увидев меня, смущенно покраснел. Он давно так не смущался в моей кампании. Мне казалось, что он привык ко мне и мысли о смущении должны были улетучиться навсегда. Я не стала давить его вопросами, лишь тихонько присела рядом в ожидании его первого слова. Деревья шумели над нашими головами, блестками просвечивая утренние лучи солнца. Я игриво вертела ногами. Мне нравилось, как они мило напоминали детские туфельки. Вдруг я заметила, как Джонатан внимательно обратил на меня свой взор. Его глаза были полны решимости, словно он собирал всю свою смелость долгие годы.

– Выходи за меня, – уверенно произнес он.

Он не отводил от меня взгляд, хотя загорелый румянец буквально светился на его лице. Моя реакция была неоднозначной. Мы молоды, глупы и отчаянно рвемся, сами не зная куда.

– Ты что серьезно? – спросила я, но Джонатан на удивление не растерял мужественный вид, хотя и смущенно пока-

чал головой.

– Э-эм... Мы скоро заканчиваем школу, и я подумал... Ты уезжаешь, и я... хотел бы поехать с тобой.

Молчание. Я смотрела на него, как на последнего глупца. Мои ноги необъяснимо дрожали. Я всего лишь хотела сказать ему ДА. Только и всего.

– Обними меня, – промолвила я, робко опустив голову.

Джонатан покраснел, но все же потянулся руками и крепко обнял меня так нежно, словно ребенка. Я чувствовала, как сильно колотится его сердце, буквально вырываясь из груди. Этот стук гипнотизировал, останавливая мир вокруг, оставляя его в полном неведении.

Юки и Икари радостно помахали нам рукой. Они все время стояли неподалеку, решив не встречать в наш с Джонатаном разговор. Юки прыгнула мне на плечи, заразительно захохотав.

– Собственная выставка! – завопила она, мутнея от радости. – Ты должна гордиться собой.

Я гордилась. Своим успехом. Своими друзьями, поддерживающими меня весь мой путь. Я улыбалась им с невероятной искренностью. Мои глаза сверкали от безумной радости, когда я вглядывалась в их пленительные лица. Гости собирались один за другим. Мои картины, гордо державшиеся на высоких мольбертах, расположились вдоль скромных витрин. Учитель медленно провожал гостей вдоль стендов, и, завидев меня, с энтузиазмом махнул мне рукой.

Я стояла, широко раскинув плечи. Ветер продувал мою, промокшую от пота, рубашку, а рукава свободно развевались, создавая подобие белых флагов, слегка щекоча плечи. Юное теплое солнце так приятно грело, и Джонатан, будто напоминал меня, не отводя счастливых глаз.

– Эй, Джонатан. Как сказать одним словом, когда точно знаешь, что все будет хорошо?

– Это ты мне скажи.

Да, я знаю это слово. Оно отчетливо вырисовывается в моем сердце, как и бегущие по небу облака. *Счастье!* Я шла навстречу замороженной толпе. Моя выставка. Мои друзья. Улыбка, которую я не могу сдержать. Вперед. В будущее. Мое будущее.

Послесловие

Автор: Роман Ротэрмель под псевдонимом Рис Лафкин

E-mail: blaugross@pm.me

VK: vk.com/blaugross

Telegram: t.me/RhysLufkin